

Глава 7. Минувшие дни

Хунши, если присмотреться, мало походил на остальных представителей императорского рода Айсингёро. Мягкими чертами лица и кротким нравом он почти целиком пошел в свою матушку, Ли-ши.

В шестилетнем возрасте он рос на редкость хорошеньким ребенком. Ласковый и покладистый, Хунши мгновенно заливался краской, стоило старшим братьям или сестрам беззлобно подразнить его. Перед посторонними он робел, но уже тогда приучался скрывать смущение и на каждый обращенный к нему взгляд отвечал вежливой, приветливой улыбкой.

В тот памятный день Хунши, робко семеня за старшим братом Хунцзюнем, впервые переступил порог Императорской школы. Будучи самым младшим среди учеников, он удостоился первого места у самой стены — так распорядился почтенный наставник. Выпустив ладонь брата, Хунши бросил на него быстрый, ищущий поддержки взгляд, после чего, переборов волнение, чинно поклонился учителю и степенно уселся за свой столик.

Шестнадцатилетний Хунси в ту пору являл собой образчик благородного, статного юноши. Пережив бури первой опалы и последующего прощения своего отца, наследного принца Иньжэна, он неузнаваемо переменился: в его поступках сквозили решительность и холодная хватка, столь напоминавшие самого Иньжэна в годы молодости. Лишь со своими малолетними дядьями в Императорской школе да с младшими братьями во Дворце Вращения Благодати Хунси оставался прежним — мягким и заботливым, пусть даже теперь все чаще погружался в молчание.

На явные издевки и холодность придворных сановников Хунси давно научился не обращать внимания. Он по-прежнему заглядывал в Императорскую школу, чтобы зарыться в древние свитки и хоть ненадолго забыть о невзгодах. Книги открывали перед ним иной мир — лучшее прибежище для истерзанной души. Его почетное место во главе стола никто не смел тронуть.

Однако это пустующее впереди кресло лишь острее подчеркивало шаткое, двусмысленное положение Восточного дворца.

Хунси было все равно, но его окружение молчать не могло. Младший брат, вспыльчивый Хунцзинь, еще постигавший науки в школе, однажды подошел к нему — неловкий, сердитый, но донельзя серьезный — и пообещал, что впредь будет осмотрительнее и ни за что не попадет в чужие ловушки. Хунси лишь мягко улыбнулся в ответ, обронив, что так ему даже спокойнее. Но брат, порывистый и горячий, точно порох, вдруг закусил губу, а в глазах его блеснули слезы. Хунси со вздохом притянул Хунцзиня к себе, уткнул его лицом в свое плечо и ласково похлопал по напряженной спине.

Злые языки ранят пуще мечей, а уж в запретных стенах угодников и лицемеров всегда хватало в избытке. Грязные дворцовые толки долетали и до Хунси, но искренняя забота родной крови согревала его остывающее сердце.

И все же он продолжал приходить в Императорскую школу, пускай и не до конца понимал тайный умысел своего отца-наследника.

В то утро Хунси явился задолго до начала занятий. Раскрыв свиток «Лао-цзы», он погрузился в чтение. Услышав тихий шорох у дверей, юноша невольно вскинул голову. Перед ним стоял незнакомый мальчуган. Хунцзюнь — сын четвертого дяди — тут же представил гостя наставнику. То был Хунши, третий сын Иньжэня.

Глядя, как этот кроха силится сохранить невозмутимость и, забавно вышагивая, чинно семенит к своему месту позади него, Хунси удивленно моргнул. Ему стало весело: надо же, в этой обители интриг еще водятся столь простодушные и робкие дети.

Когда учитель определил для новичка задание, Хунси обернулся и перехватил любопытный, смущенный взгляд Хунши, украдкой разглядывавшего остальных учеников. Их глаза встретились. Заметив живое любопытство и замешательство в чистом детском взоре, Хунси мягко улыбнулся. Мальчуган мгновенно залился краской и поспешно уткнулся в бумагу, усердно выводя иероглифы. На душе у Хунси впервые за долгое время стало легко.

Хунши досадовал на себя. Новоиспеченному ученику страсть как хотелось рассмотреть старших братьев, но стоило ему поднять глаза, как его поймали с поличным! И все же... улыбка того юноши была такой красивой. Стоило Хунши вспомнить ее, как щеки вспыхнули с новой силой.

Мальчик быстро полюбил школьные будни. Славный, вечно улыбающийся ребенок пришелся по сердцу и наставникам, и старшим кузенам. В ту пору Хунши еще не знал зла и радовался самым простым вещам. Но вскоре стряслась беда: его старший брат Хунцзюнь тяжело, безнадежно слег. И улыбка Хунши угасла.

С того первого дня Хунси проводил учебные часы, исподволь наблюдая за маленьким кузеном. Чистая, незамутненная детская непосредственность Хунши разгоняла ту тяжелую тоску, что порой тисками сжимала грудь старшего принца.

И вот теперь, видя Хунши вялым, поникшим, Хунси почувствовал, как болезненно сжалось его собственное сердце.

Очнувшись от раздумий, он поймал себя на том, что уже стоит на ногах. Поддавшись душевному порыву, он подошел и опустился на скамью подле мальчика.

Малыш вздрогнул от неожиданности, но Хунси лишь ласково улыбнулся ему и негромко проговорил:

— Давай-ка, маленький Хунши, я помогу тебе с каллиграфией. Быстрее справишься — больше времени останется на игры дома.

Глаза ребенка вспыхнули живым восторгом, а губ коснулась робкая радость.

— Спасибо тебе, братец Хунси! — прошептал он.

Мальчик уже прослышал, что этот красивый, приветливый юноша — старший сын его венценосного дяди-наследника и любимый внук самого императора-дедушки Канси.

Хунси тихо рассмеялся, бережно усадил Хунши к себе на колени и, обхватив своей ладонью его крошечные пальцы, принялся аккуратно вести кисть по бумаге.

Пройдут долгие годы, и бывшие соученики, услышав о безвременной кончине третьего принца ушедшего государя, невольно вспомнят тот ясный осенний день, залитый мягким светом, и улыбки двух мальчиков. А когда уже в годы правления Цяньлуна разнесется весть о смерти престарелого Ли-цинъвана, от этого некогда светлого воспоминания останется лишь блеклый призрачный осенний солнечный свет — холодный и щемяще-тоскливый.

Хунши до сих пор помнил свою первую встречу с наследным принцем.

В тот день Хунси помог ему закончить задания и заговорщически спросил, не желает ли тот взглянуть на Дворец Возвращения Благодати, славившийся своими запутанными переходами, похожими на лабиринт. Какой шестилетний ребенок откажется от шалости? Хунши восторженно и часто закивал.

Улыбаясь, Хунси взял брата за руку, и они направились к покоям наследника.

Хунши безумно нравилась улыбка старшего кузена. Было в ней нечто царственное, снисходительное, свойственное лишь тем, кто рожден править, но без тени пренебрежения или высокомерия. В ней сквозила легкая, дерзкая удаль, какая и подобает юноше знатного рода. И все же дороже всего Хунши была та особенная теплота, с которой кузен смотрел только на него.

Стоило им переступить порог Дворца Возвращения Благодати, как до их ушей донеслись тихие, тягучие звуки флейт и лютен. Хунси слегка нахмурился. Сменив легкий шаг на твердую, тяжелую поступь, он вошел в полутемную залу и громко произнес:

— Сын приветствует отца и желает ему доброго здоровья.

Хунши поспешно опустился на колени рядом:

— Племянник Хунши бьет челом Вашему Высочеству.

— Встаньте... — отозвался ленивый, слегка нетрезвый голос.

Поднявшись, Хунши украдкой осмотрелся. На кушетке, полуприкрытой шелковым пологом, небрежно откинулся мужчина с кубком вина в руке. Из-за полуспущенных занавесей лица его было не разглядеть, но мальчик чувствовал на себе его тяжелый взгляд. В нем не было строгой пытливости — лишь праздное любопытство. Мужчина хмыкнул и ленивым взмахом руки отослал танцовщиц прочь. Хунши был слишком мал и напуган, чтобы запомнить их разговор. В памяти отпечатался лишь насмешливый голос наследного принца, обратившегося к сыну:

— Хунси, так это и есть тот самый кроха Хунши, о котором ты уши всем прожужжал?

Позабыв о дворцовом этикете, Хунши удивленно вскинул голову и воззрился на Хунси. Лицо старшего кузена залилось легкой краской, а в глазах проступила растерянность. Смутившись, мальчик поспешно уставился в пол. Ему показалось, что в комнате стало удушающе жарко. Тем временем Хунси, протяжно вздохнув, с легкой укоризной протянул:

— Отец!..

Наследник лишь раскатисто расхохотался и махнул рукой, отпуская детей. На выходе из покоев Хунши приметил, что кузен немного отстал. Оглянувшись, он на миг застыл: на всегда приветливом лице Хунси отразилась такая глубокая, горькая скорбь, что мальчик интуитивно отвернулся, сделав вид, будто ничего не заметил.

Веселые забавы вскоре вытеснили эту мимолетную тревогу из детской головы. В тот день Хунси водил его по всему дворцу, показывая тайные уголки. Они встретили множество людей, но Хунши запомнил лишь ослепительную красоту матушки Хунси да на редкость мягкий взгляд вечно сурового кузена Хунцзиня.

Единственное, что врезалось в память Хунши от того лабиринта, — бесчисленные фальшивые двери. Стоило ему толкнуть одну, как за ней оказывался глухой простенок. Видя досаду малыша, Хунси со смехом признался, что и сам набил немало шишек, прежде чем выучил верную дорогу.

Когда Хунши вернулся в усадьбу своего отца, великого князя Юна, Иньчжэнь долго и сурово буравил его ледяным взглядом, а Ли-ши еще несколько часов сокрушалась и читала наставления. Тогда ребенок так и не понял, чем заслужил гнев родителей, и лишь проплакал всю ночь, забившись под одеяло. Наутро он пришел в школу со следами слез на лице. Хунси бережно погладил его по голове, сиюсь утешить, а после...

После этого Хунси начал отдаляться без всяких видимых причин. Хунши от обиды тоже перестал с ним заговаривать, но продолжал ловить на себе его случайные, полные скрытой нежности взгляды. Понемногу взрослея, мальчик начал понимать эту вынужденную

холодность. Какая разница, если кузен по-прежнему дорожит им? Как там говорилось в старом стихе...

«Коль чувства взаимны и вечны, к чему нам докучные встречи?»

Когда пришло известие о повторном низложении наследного принца, Хунши места себе не находил от тревоги. Он переживал за опального дядю, которого видел лишь раз, страшился, что Хунси придется несладко, и до смерти боялся, что беда затронет и его собственного отца.

Душа его горела в очистительном огне страха — те дни показались ему сущим кошмаром.

Однако не успел Хунши поведать отцу о своих страхах, как император Канси, очарованный не по годам острым умом малолетнего Хунли, повелел забрать мальчика на воспитание во дворец. С тех пор в глазах Иньчжэня четвертый сын сделался средоточием всех надежд. Хунши было горько и обидно. Как ребенку показать свое недовольство? Он попросту начал игнорировать Хунли: перестал учить его каллиграфии, не рассказывал сказок и держался особняком в школе, упрямо не замечая обиженных взглядов младшего брата.

«Тебя и так все носят на руках, зачем же строить из себя невинную жертву моих притеснений?!»

Когда Хунши наконец удалось встретить Хунси во дворце, он, не помня себя от нахлынувших чувств, разрыдался у него на груди. Ему до сих пор помнился тихий, протяжный вздох кузена:

— Эх, Хунши...

С тех пор у них зародился негласный обычай: если на душе становилось скверно, они приходили к старому дикому персику и молча сидели под его кроной. При редких встречах Хунши замечал, как кузен порывался что-то сказать, но всякий раз сдерживался. Хунши лишь мягко улыбнулся ему в ответ. Слова были лишними. Оба понимали, что летят на пламя, ведомые слепой, обреченной верностью своему выбору.

Затем отгремела яростная борьба престолонаследников. На трон взошел четвертый сын покойного государя — новоявленный император Юнчжэн.

Встречая Хунси после тех перемен, Хунши отчаянно хотел сказать ему: «Братец, если тебе тяжело, ты ведь можешь...» Но что толку делиться бедами, когда он сам ничем не способен помочь? И он молчал.

Он не догадывался, что Хунси точно так же мечтал крикнуть: «Хунши, не мучай себя этой вымученной улыбкой! Расскажи мне, что тебя гложет...» Но к чему беречь раны, лишь

лишний раз напоминая о собственном бессилии? И Хунси хранил молчание.

Они обменивались пустыми светскими любезностями и расходились в разные стороны. В их застывших глазах читалась невысказанная грусть, а одинокие фигуры казались бесконечно сиротливыми на фоне величия дворцовых стен.

Улыбка Хунси становилась все более холодной и отрешенной. Глядя на него, Хунши невольно вспоминал покойного наследного принца Иньжэна, и сердце его сжималось от предчувствия беды. Изредка они все же выбирались в город, чтобы выпить по чарке вина, но Хунши по-прежнему не мог разгадать странное, мимолетное выражение, порой проскальзывавшее на лице кузена.

Когда пришло известие о смерти низложенного наследника, Хунши, сгорая от тревоги за названного брата, выставил преданных людей у городских ворот, наказав немедленно докладывать о каждом шаге Ли-циньюана.

Тогда Хунси единственный раз в жизни позволил себе проявить слабость. Они сидели на веранде плечом к плечу. Спустя время кузен бессильно опустил голову на его плечо, и Хунши почувствовал, как воротник промокает от горячих, жгучих слез. Юноша не смел пошевелиться; он упрямо смотрел вверх, силясь разглядеть сквозь серую пелену облаков узоры далеких звезд.

В те дни Хунси выглядел пугающе истощенным, но все равно настоял на том, чтобы проводить гостя до ворот.

Отойдя на несколько шагов, Хунши обернулся. Мужчина стоял прямо, словно натянутая струна, а лицо его вновь превратилось в непроницаемую маску, тайну которой Хунши так и не сумел постичь.

А затем грянул гром: Хунши зачитали высочайший указ, низвергший его в бездну позора и лишивший всех титулов. И тогда губы его сами собой изогнулись в беззвучной усмешке — он наконец понял, что крылось за той улыбкой Хунси.

«То было полное, беспросветное отчаяние.»

Тому, чье сердце не разбивалось вдребезги, не понять, каково это — когда боль выжигается на самой душе. Ее нельзя унять, можно лишь изо всех сил притворяться, будто ничего не произошло.

На следующий день во время утреннего приема Хунши встретился взглядом с Хунси. В глубине темных глаз кузена плескались жгучая тревога и сострадание. Хунши изо всех сил постарался улыбнуться так, как улыбался когда-то в детстве — той самой улыбкой, которую юноша некогда хвалил. Тревога в глазах Хунси утихла, сменившись мертвой, неподвижной гладью, а на губах заиграла такая же горькая усмешка.

После аудиенции Хунши неторопливо брел по плитам дворцовой площади, неосознанно замедляя шаг в тайной надежде. Наконец Хунси поравнялся с ним. Молча они миновали массивные ворота Запретного города.

— Вчера мне прислали два кувшина отменного сливового вина, — негромко проговорил Хунси.
— Не желаешь ли отведать, Хунши?

Поддавив рвущийся наружу порыв, Хунши покачал головой и вежливо отказался:

— Не стану лишать тебя столь редкого угощения. К тому же в усадьбе накопилось много дел, мне пора.

Он повернулся и ушел, не оглядываясь. Хунши давно перерос наивное детство и теперь отчетливо понимал: бывшая холодность брата оберегала их обоих. Ныне они оба находились в опале, на птичьих правах. Государь до поры до времени не трогал Хунси ради сохранения видимого приличия, но если бы тот сблизился с отверженным принцем...

Глядя вслед удаляющейся, заметно осунувшейся фигуре Хунши, Хунси лишь беззвучно вздохнул.

Углубленные в свои невеселые думы, они не заметили, что чей-то пристальный взор провожал их до самых ворот.

Вернувшись домой, Хунши наскоро уладил неотложные дела, переоделся в простое платье и отправился засвидетельствовать почтение в резиденцию восьмого дяди, Лянь-циньюана. Вежливо отклонив приглашение остаться на обед, он распустил слуг и побрел по городским улицам куда глаза глядят. Пришел в себя он лишь у порога Павильона Пьяного Бамбука.

«Надо же, ноги сами привели меня сюда...»

В последнее время хмель перестал брать его, оставляя лишь ледяную ясность ума. Найдется ли здесь хоть глоток забвения для исстрадавшейся души? С этими мыслями он переступил порог таверны, где не бывал уже года три. Павильон Пьяного Бамбука с виду казался заурядным питейным заведением, однако убранство его отличалось тонким вкусом. Посетителей здесь всегда было немного — в основном состоятельные завсегдатаи. Поднявшись в отдельный кабинет на втором этаже, Хунши перебрал в уме названия дорогих вин и остановил выбор на двух кувшинах простого сливового вина.

Сорвав глиняную печать, Хунши вдохнул знакомый, ничуть не изменившийся аромат. Прижав кувшин к груди, он растянулся на широкой кушетке и принялся медленно, глоток за глотком, пить терпкую влагу.

Он и сам не заметил, как тяжелый хмель наконец одолел его. Время близилось к закату, а

хозяин все не возвращался, не на шутку встревожив супругу. Верный управляющий принялся спешно рассылать слуг во все концы города. Припомнив, что после аудиенции Хунши беседовал с Хунси, слуга отправился в его резиденцию. Тот, разумеется, не знал, куда направился кузен, и порывался отправить своих людей на поиски, но перепуганный управляющий поспешно замахал руками, умоляя не беспокоиться. Понимая шаткость их положения, Хунси не стал настаивать и молча отпустил слугу, задумчиво вертя в руках чашку с остывшим чаем.

Оставшись в одиночестве, Хунси долго сидел неподвижно, перебирая в памяти места, где любил бывать кузен. Вскоре у него созрела догадка. Велев заложить экипаж, он направился прямо к Павильону Пьяного Бамбука — он помнил, что именно там подавали их любимое сливовое вино.

Стоило ему переступить порог, как навстречу выбежал расторопный слуга. В прежние годы они с Хунши частенько заглядывали сюда вдвоем, и прислужник с отменной памятью сразу признал старого гостя. Решив, что господа сговорились о встрече, он заулыбался.

— Мой спутник уже здесь? — небрежно обронил Хунси.

Кивнув, слуга услужливо проводил его на второй этаж и указал на нужную дверь.

Оставив сопровождавших в коридоре, Хунси тихо приоткрыл дверь и вошел.

В комнате царил полумрак. Хунши спал, свернувшись калачиком на кушетке и крепко обнимая пустеющий кувшин. Хунси на миг замер, а затем аккуратно притворил за собой дверь.

Он подошел ближе и попытался осторожно высвободить глиняный сосуд из рук кузена, но тот сжал пальцы крепче. Со вздохом сдавшись, Хунси коснулся пальцами нахмуренного лба спящего, чье лицо покраснелось от выпитого вина.

— Хунши... Хунши, проснись... — негромко позвал он.

Тот приоткрыл тяжелые, осовелые веки. Сквозь мутную пелену проступил знакомый силуэт кузена, в чьем взгляде читалась бесконечная нежность и боль. Лицо Хунши мгновенно преобразилось, засияв чистой, детской радостью. Выпустив кувшин, он порывисто подался вперед и прижался к груди Хунси, хныча, точно обиженный ребенок:

— Братец Хунси...

Хунси едва удержался на ногах от этого внезапного толчка. Наклонившись, он обхватил кузена за плечи. Слыша, как этот взрослый, сломленный невзгодами мужчина зовет его так же, как в далеком детстве, Хунси почувствовал, как к глазам подступили слезы. Перед его мысленным взором вновь предстал тот гордый маленький мальчик в казенном классе, который робко

улыбался и благодарил его, пока Хунси бережно направлял его руку с кистью.

Время беспощадно губит юность. Ныне те далекие дни казались сном из иной жизни, хотя витавший в комнате аромат сливового вина был точь-в-точь таким же, как во времена их веселых пирушек. Горько оглядываться назад: некогда они были полны надежд и отваги, а ныне от бывшего величия остались лишь две одинокие тени. Крепче прижав к себе исхудавшее тело Хунши, Хунси откинул голову назад, закрыл глаза и тяжело вздохнул.

Не дождавшись ответа, Хунши недовольно заворчал. Кузен снова молчит и не обращает на него внимания! Насупившись, он потерся носом о его плечо, высказывая обиду.

Невольная улыбка тронула губы Хунси. Поражаясь этой детской непосредственности, он сел на кушетку, бережно прижимая к себе кузена, и принялся мерно похлопывать его по спине, тихо приговаривая:

— Ну-ну, полно тебе... Братец здесь, он никуда не уйдет...

Постепенно Хунши затих, дыхание его выровнялось. Хунси посидел так еще немного, вслушиваясь в мирный сон спящего, затем осторожно поднял его, обхватив за пояс, и понес к выходу. Они миновали двери таверны и сели в экипаж. Велев слугам купить в дорогу кувшин сливового вина, Хунси приказал кучеру трогать к усадьбе третьего принца.

У ворот резиденции слуга Хунси поспешил постучать в калитку. Хунси кое-как, уговорами, разомкнул сплетенные на своей шее руки спящего и передал его подоспевшим слугам. Не удостоив ответом вежливые излияния благодарности от подбежавшего управляющего, Хунси смотрел, как обмякшее тело Хунши исчезает за порогом. Опустив занавеску экипажа, он глухо скомандовал возвращаться домой.

В покачивающемся на ухабах экипаже Хунси невольно прикоснулся к плечу. Там, где лежала голова кузена, ткань плаща до сих пор оставалась влажной. Пальцы его дрогнули. Он закрыл глаза и бессильно откинулся на жесткую стенку кареты.

Император Юнчжэн мельком взглянул на печать тайного донесения от Службы прилипающих шестов. Раскрыв свиток, он бегло просмотрел отчет соглядатаев и небрежно швырнул его на край стола.

Выслушав доклад своего соглядатая, Хунли на мгновение переменялся в лице — щеки его покрыла мертвенная бледность. Однако он тут же вернул лицу привычную маску безмятежного радушия. Отпустив слугу кивком руки, он медленно развернулся и ушел в рабочий кабинет.

<http://bllate.org/book/18338/1771843>